

Саша Готти

ВЛАДА и Маг-убийца

тайный мир
нечистой **Москва** и магии
вампир **Сретенка** свет
вампир **Темный Универс** фонды
упырь **Влада Огнева, 14 лет** ведьмаки

легендарная
серия

МАШИНА
ТЕМНОГО УНИВЕРСА

Саша Готти
Влада и маг-убийца
Серия «Хроники темного универа», книга 3

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8220753
Готти, С. Влада и маг-убийца: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-081764-1*

Аннотация

Москва – сердце тайного мира: здесь нечисть и маги готовятся к большой войне.
Владе сложнее всех: ведь в ней кровь и тех и других.
Будь осторожна, силы ТЬМЫ и СВЕТА идут за тобой по пятам.

Содержание

Вступление	5
Глава 1	10
Глава 2	18
Глава 3	23
Глава 4	30
Глава 5	37
Глава 6	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Саша Готти

Влада и маг-убийца

© Саша Готти, текст, ил., 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Вступление

«Распоряжение.

В связи с нападением некромагии корпус Темного Университета для начальных курсов под названием Утесум подлежит закрытию. Все студенты начальных курсов переведены в корпус Носферон по адресу: г. Москва, ул. Сретенка, Сухаревская зловоротня.

Произошедшие события помещаются под гриф „секретно“ и не подлежат разглашению.

Из распоряжения Темного Департамента от 28 ноября 2012 г.»

Прочитав писклявым тенорком этот текст, управляющий Темным Департаментом, старый и хитрый оборотень Эдуард Вольфович Доденко, отложил листок и посмотрел на Алекса Муранова.

Молодой вампир сидел за столом, наблюдая, как за окном темнеет хмурый московский день. В зеркально-полированной поверхности стола отражались рваные тучи и верхние этажи белого угловатого здания на Садовом кольце через дорогу напротив. В Темном Департаменте по адресу Лихов переулок, дом десять, шло тайное собрание в урезанном составе.

– Как прошло расследование произошедшего? – спросил оборотень, помешивая чертополоховый чай в изящной чашке мейсенского фарфора. – Алекс, вы собрали все необходимые свидетельства, материалы, документы об этом нападении? До начала учебного года в Носфероне осталась пара дней, мне нужна ясность в том, что происходит. Нам стоило огромных усилий подавить панику и слухи, которые поползли среди студентов и их родителей.

– Минуточку, – Алекс раскрыл папку. – Прежде всего, вот заключение нескольких ведьмаков, что на данный момент опасности повторения удара некромагии нет. Прошло три месяца, все тихо и спокойно. Ушли только несколько студентов, но по личным причинам. Все остальные возвращаются с каникул на учебу.

– Я жду объяснений, почему именно этого больше не повторится, а не «баю-бай, Эдуард Вольфович», – фыркнул шеф. – Прежде всего, я хочу услышать подробности о той студентке, которая подверглась нападению некромагии. А точнее, как я считаю, из-за которой это все и произошло.

– Минуточку, – Алекс принялся листать папку, пока его шеф потягивал чай из чашки с резными краями.

– А ведь еще полгода назад я бы поднял на смех того, кто сказал бы мне, что в тайном мире может родиться... кхм... полукровка вампира с этими... – Эдуард Вольфович сделал выразительный бросок глазами за свою спину. – Со светлыми магами. По-лу-кров-ка... – Последнее слово он произнес медленно, будто пробуя его на вкус.

– Итак, Огнева Влада, – Алекс нашел то, что искал в папке, и вытащил оттуда напечатанные листки с приклеенной сверху маленькой фотографией бледной темноволосой девочки. – Четырнадцать лет, родилась в Петербурге, там же и училась в обычной школе среди людей. Очень необычные волосы... Скорее всего, это следствие игры взаимоисключающих друг друга хромосом. Мать – Ольга Огнева, потомок семьи магов Венго. Ее местонахождение неизвестно. Отец, как выяснилось недавно, – вампир...

– Как выяснилось недавно... Темный Департамент обо всем узнал последним! – Эдуард Вольфович вдруг изменился в лице и треснул кулаком по столу с такой силой, что изящная чашка подпрыгнула на нем, звякнув доннышком. – Под носом у Департамента творилось черт знает что! Вампир, этот Виктор Суморок, оставил семью ради девицы из магического рода! Бросил сына и сбежал к этой Ольге Огневой! Мало того, учился он через пень-колоду, а большую часть времени за него учились фантомы, которых делал его тролль-приятель! А?! Докатались?! Дочка у них с Ольгой родилась, а наша темная сторона ни сном ни духом! Они, видите ли, скрывали, они прятались. Куда они пропали с Ольгой после рождения дочери, кто знает? Убили их, Алекс?

– Думаю, что да, – подумав, ответил вампир. – Ведьмаки не видят их среди живых... ну вы понимаете, в каком я плане говорю.

– Значит, умерли. Или убиты. Поскольку обоим было по двадцать лет, и умереть от старости они никак не могли. И ребенок их рос бы в обычном мире, даже не подозревая о мире тайном, а мы бы ничего так и не знали! Если бы Виктор не оставил своему тролль-приятелю распоряжения на случай своей смерти. Тот тролль, Бельверг, вытаскивал всеми правдами и неправдами девчонку в тайный мир и устраивал в Темный Университет, выполнял распоряжение Виктора! Я не понимаю, как получилось, что эта Ольга влюбилась по уши в вампира и родила от него ребенка?! Она же из магов, они нас ненавидят, презирают! Кто теперь этот ребенок... Он их? Наши?! А?! Эта Влада – кто, чья?! Она вампир или маг?

– Эдуард Вольфович, – с подчеркнутым спокойствием произнес вампир, постучав ногтем по столу. – Вы... чашечку разобьете. А потом будете беситься и страдать. У нее и так все края отбиты и покусаны.

– Ошибаешься, это просто дорогой резной фарфор, в котором ты ничего не смыслишь, – раздраженно заметил оборотень, полюбовавшись чашкой и отодвигая ее подальше. – И не надо мне намекать на мое ранение. Да, я был ранен магами и не стыжусь этого. Перекидываюсь в зверя иногда бесконтрольно. Но пить чай я буду только из достойных предметов! Терпи старика. Позлодействую, порву окончательно твою паршивую кожаную куртку, раздражает она меня... Костюм надо носить в Департамент, а у тебя еще и серьга в ухе! Тьфу, позор на мою седую голову! – Оборотень зарычал, оцериив желтоватые зубы за ярко-красными губами.

– Так, продолжаю доклад об Огневой, – с трудом сдержав улыбку, вампир начал листать черную папку. – Вампиром, как ее отец, она не является. Никаких признаков, кроме сильной анемии. Это недостаток железа в организме, который восполняется у вампиров кровью, – пояснил Алекс. – Характер не вампирский, ранима, есть комплексы и страхи...

– О-о-о! Не верю... Потомок светлых магов – и страхи. Да они считают себя пупом земли с рождения... – прорычал шеф.

– От магов тоже почти ничего. Есть базовая способность видеть нечисть, которая юркнула в янв, но этого слишком мало.

– Нет способностей мага, когда она из семейки самых сильных магов?! Бред... – прорычал Эдуард Вольфович и шумно выдохнул, сощурился глазами. – Ох, не верю я в эти сказки. А как они взбесились, да?! – Оборотень вдруг захохотал, подпрыгивая в кресле. Пейзаж за его спиной с изображением высокой башни, подписанный «Сухаревская», закачался на стене. – Можешь себе представить, как взбеленились маги, когда узнали, что их светлая полюбила одного из наших и родила ребенка? Как перекосилились их светлые рожки, эх, жаль я не видел. Как говорится, получай, фашист, гранату. Накосья, выкусите!

– Эдуард Вольфович, чашечка.

– Она не просто из семейки магов! – бушевал шеф. – Эти самые маги самые кровавые маги Трансильвании, у них руки по локти замараны в крови нечисти!

– А в наших учебниках истории говорится, что они герои, – осторожно напомнил Алекс.

– Еще бы, ведь нам же надо представлять историю так, как нам выгодно, – фыркнул оборотень. – Напиши мы в учебниках правду, что Венго – убийцы нечисти, так получится, что вообще никто из магов не имел положительных сторон. И тогда попробуйте объяснить нашей юной нечисти, что они должны соблюдать Конвенцию! А я тут не на уроке истории, потому скажу тебе – Венго не просто убивали наших. Они охотились на них, как на зверей! Хвалились и вели счет убитым, как трофеям! А вот, уже когда темной крови пролилось слишком много, тогда они спохватились. Тогда они здорово струхнули, эти светлые маги, когда нарушили баланс мироздания! Ух, как они струхнули! Убивая нечисть, вгоняя деревянные колья в вампиров, они и не подозревали, что отправляют их в мир некромагии, в Тьму! Они и не думали, что те могут вернуться в страшном облике! Что об это говорит кафедра физики темной материи, Алекс? Тьма – это ведь – что?

– В щенячестве взорвал кафедру физики Носферона, когда хотел пообщаться с загробным миром нечисти, – эхом откликнулся Алекс, подыгрывая тон в тон своему шефу. – Но кафедра знает о Тьме почти столько же, сколько и остальные. Ни-че-го.

– О! – Старый оборотень закивал, отхлебнув из чашки ярко-красный чай. – И я торчал на этой кафедре когда-то, но до взрывов не доходило. Мы знаем только, что Тьма наполнена некромагией, которая губельна для нашего мира. Убитый магами вампир обретает там чудовищную силу, да еще и эти... Как называлась та тварь, которая напала на Университет?

– Умертвие, – подсказал Алекс. – По последним сведениям кафедры физики темной материи, это сгусток некроэнергии чудовищной силы. Убивает прикосновением, оставляя в теле жертв иллюзию в виде изображения когтя. Уничтожает все живое легко и непринужденно.

– Вот умертвия-то и напугали тогда этих Венго, триста лет назад. Ах, как тогда было жарко в Европе! Трансильвания кипела, тайный мир был как одно поле битвы! Встали боком магам все войны и убийства. А когда у самих земля под ногами горит, то куда деваться?

– Венго выполнили свой долг, загнали обратно все, что вырвалось в этот мир, – не согласился Алекс. – Ценой жизни. Вся семья погибла.

– Вся семья... – проворчал оборотень. – Не вся, к сожалению. Дед-то этой девчонки остался живой, иначе ей и не родиться. Он, видите ли, не убийца был и не маг, потому и выжил. Светлый боевой маг, который был против убийств нечисти, который якишался с темными и считал многих из нас друзьями! Ах ты, ух ты! Мы так любим перебежчиков на нашу сторону. Но это все в прошлом, дела давние. Меня интересует настоящее. В настоящем мы имеем в своем Темном Университете потомка магов, чья кровь смешана с вампирской. И умертвие, которое пробралось в Университет и говорило о долге этой девочки. Она должна освободить Тьму, выпустить всех, устроить миру новый апокалипсис. Я уверен, что рождение такого гибрида Света и Тьмы не случайно, а связано с магическими причинно-следственными связями. Мы в них не разбираемся, мы не маги. Алекс, как она может это сделать, каким образом?

– Открыть Тьму и устроить апокалипсис? – переспросил вампир. – Не может, я уверен. Она обычный человек. Она сама боится.

– Как такие дети называются, Алекс?

– Сироты, – подсказал вампир, но его шеф поморщился, махнув рукой.

– Нет, я про такую чудовищную помесь. Маг и вампир, а какое у них название? Вот странность, верно? Мы с тобой прекрасно знаем, что у магов информированность о событиях в тайном мире на порядок лучше, чем у нас. Они же – фюйт! – Оборотень покрутил

пальцем у виска. – У них ясновидение и дар. Как же они тринадцать лет упустили из вида существо, которое несет угрозу всему миру?! Спокойно смотрели, как она растет, пока мы ее не увели на свою темную сторону!

– Получается, они тоже не знали, как и мы. Прохлопали ушами.

Шеф Департамента с трудом подавил приступ ярости.

– Вот что, Алекс... – Он сдавил переносицу пальцами. – Когда дело касается магов, тут все крайне запутанно. Маги и интриги – это одно целое, – проворчал оборотень. – Та война закончилась, но продолжается совсем другая. Мы говорим молодому поколению темных, что сейчас мирное время, но и ты, и я прекрасно знаем, как иллюзорен мир. Маги, едва появится возможность, нанесут по нам удар. А сейчас идет это бесконечное противостояние со взаимными пакостями и провокациями. Вчера мне опять звонили по поводу какой-то банды домовых из Петербурга. Я твердо знаю, что любой звоночек из Магиструма с вопросом: «Добрый день, как ваше здоровье, уважаемый Эдуард?» – означает, что они поймали кого-то из наших на нарушении Конвенции, и мне предстоит бессонная ночь. А ваш доклад ничего не прояснил, Алекс! Вот вам вопрос – она может открыть Тьму как потомок этих убийц Венго?

– Уверен, что нет.

– Уверен он! У-у-уверен... – протянул оборотень с подвыванием, нехорошо косясь на куртку Алекса. – Послушай, Муранов. Ошибаться может кто угодно, но не Департамент. Если мы прозеваем, когда эта девчонка станет смертельно опасной, когда она обретет способности... Вопрос, какие? – Эдуард Вольфович схватил чашку с чаем, но снова поставил ее обратно.

– Не знаю, – Алекс смотрел на шефа без улыбки.

– Он не знает! Тогда какой это доклад, если там в итоге «я не знаю»? Я хочу знать: она может общаться с Тьмой, она способна ею управлять? Или – только орудие во всех этих магических водоворотах? А если потребуется ее убить, Муранов? Именно вы получите приказ ее уничтожить в таком случае, вы в курсе?!

Алекс напрягся, сжав зубы.

– Вы же знаете, Эдуард Вольфович, что моя семья породнилась с этой девчонкой определенным образом, – очень спокойно произнес вампир. – Мой младший брат взял ее под свое покровительство как вампир.

– Ну да, ну да, – согласился оборотень. – Это меня несколько успокаивает. Это даже хорошо. Ваш младший брат смазливый юнец, я про него слышал. Моя секретарша держит на экране своего ноутбука его фото и прячет, когда я подхожу. Вот пусть ваш брат и опутает эту Огневу, как цепями! – прорычал оборотень. – Держит так, чтобы ни шагу не ступила в сторону! Чтобы каждое ее дыхание было под его контролем! Связь вампира и человека нерушима!

– Рушима, к сожалению, – остановил Алекс. – Но я надеюсь, что...

– Не желаю этого слышать! Ваш брат должен держать ее как муху в паутине! Вот! Да! Цепями! Мы ради этого переведем всех ее возможных конкуренток в другие отделения Носферона, подальше.

– Это уже перебор, Эдуард Вольфович! Гильсу еще пятнадцать лет...

– Алекс, это интересы тайного мира, – прищурился оборотень. – Не вздумайте им мешать. А ваш доклад... ему место вот где!

Оборотень лихо отшвырнул папку, и листки спланировали на пол, не долетев до квадратной сетчатой урны в углу кабинета.

Глаза Алекса вспыхнули на секунду ярко-багровым пламенем, но вампир быстро взял себя в руки.

– Понял. Я могу идти, Эдуард Вольфович? – мрачно спросил Алекс.

Ответа не последовало.

Облик оборотня изменился – теперь в кресле сидело нечто вроде полуволка-получеловека. Уши заострились, свернувшись по бокам, зрачки глаз сузились, подбородок выдвинулся вперед, рот искривился в неприятной ухмылке. Шеф Темного Департамента перешел в свое второе состояние, и дырявая куртка Алекса прекрасно помнила, чем это может закончиться. Локти оборотня так заострились и вытянулись, что прорвали рукава дорогого серого костюма, купленного на Новый год в ЦУМе. Драгоценная чашка мейсенского фарфора, поехав по столу от яростного дыхания шефа Департамента, трагически завершила свою недолгую жизнь на каменном полу кабинета.

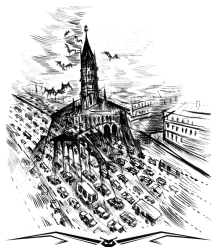
Вскочив со стула, Алекс кивнул и быстро вышел за дверь, ускоряя шаги по коридору.

– Мур-р-ранов, я не собираюсь пить чай из обычного стекла... – послышалось из приоткрывшейся двери кабинета.

– Когда весь фарфор в Москве кончится, будешь хлебать чай из пластиковых стаканов, обормотень.... – с раздражением пробормотал Алекс, стремительно заворачивая за угол коридора Темного Департамента.

Глава 1

Асоциальный домовый элемент

Вечером на лестнице старого питерского дома на Садовой улице конвульсивно мигала полуразбитая лампа дневного света, а январская пурга испытывала на прочность стекла в подъезде.

С дверью тринадцатой квартиры тоже было неладно – в старый коричневый дерматин какой-то хулиган вкрутил сухие макаронные рожки, которые торчали в художественном беспорядке, а стена вокруг двери была изрисована угловатыми каракулями.

Владе было не до этого – она возилась с тугим замком, то отогревая дыханием замерзшие пальцы, то вновь ковыряя ключом замочную скважину. Один поворот, второй, третий...

Когда злишься, то получается медленнее.

– Да открывайся ты уже!

Влада изо всех сил толкнула дверь, и та наконец-то поддалась, натужно заскрипела, открывая квартиру, в которой сейчас было так же зябко и темно, как и на улице.

По привычке нашарила выключатель, щелкнула им раз, другой. В углу, за старым дедовским пальто, как-то слишком громко и сердито загудел электросчетчик. Лампочка в надтреснутом абажуре, будто нехотя, замигала и вспыхнула холодным бледным светом.

После долгого отсутствия родная квартира казалась меньше, будто сжалась в размерах, сдвинув стены – съежилась. Или же просто жизненное пространство настолько расширилось, что все прежнее стало казаться маленьким и тесным. Все так же скучала стопка старых газет на лавке под вешалкой, тоскливо жались друг к дружке брошенные на полу дедовские тапки, дрожала на холодном сквозняке паутина в кухонном проеме. Влада стянула с головы кусачую шерстяную шапку и пригладила волосы перед своим отражением в запыленном зеркале.

Самая обычная тоненькая четырнадцатилетняя девчонка: могла бы родиться и покрасивее. Ничего примечательного, кроме волос, – вот ими можно гордиться. Длиной до пояса, прямые, цвета горького черного шоколада. На солнце они переливаются, как перья черного павлина, – если бы такой существовал на свете. Больше, в принципе, смотреть было не на что. Особенно сейчас: с заплаканными припухшими глазами, которые ее портили. Неудивительно, если она только что беззвучно рыдала во дворе почти целый час, промерзая на холодном ветру. Рыдала, пока двор не поменял синие сумерки на ночную темень. До тех пор, пока не услышала звук цокающих каблучков, и в подворотне не появилась соседка из двенадцатой квартиры, Лика Глебовна. Как всегда намазанная по уши косметикой, надушенная и разодетая во что-то бело-леопардовое. Это был самый последний из людей, который должен был видеть, что у Влады неприятности, поэтому она моментально отвернулась, надеясь, что соседка не успела ее заметить, юркнула в подъезд и ворвалась в свою квартиру.

В ее жизни только что произошла катастрофа. Надо было вспомнить все по порядку и восстановить в памяти все события, чтобы понять, почему все так случилось...

* * *

Еще час назад Влада была в Москве, куда ее привез автобус вместе с однокурсниками по Темному Универсу.

Автобус – сверкающая лаком и пестрыми надписями громада – остановился на Сухаревской площади, и завуч Лина Кимовна долго объявляла, что, пока все не проверят на себе наличие значков Носферона, наружу никого не выпустят. Влада его и не снимала – блестящий темно-синий ромбик на булавке жил за отворотом воротника ее весенне-осенне-зимней куртки. После этого двери автобуса открылись, и ребята вывалились на свободу. Незнакомая и огромная Москва тонула в вечерней морозной синеве. На Садовом кольце толкалась пробка, в сумерках фары машин размазывались в море ярких сердитых огней.

– За мной, ребята, внимание! Мы сейчас спускаемся в «Сухаревскую» станцию метро, но на самом деле попадаем в наш родной Носферон! Это я вам все рассказывала в автобусе, поэтому тупых вопросов мне не задавать! Горяев! – рыкнула Лина на юного долговязого вурдалака, который чувствовал себя на поверхности земли крайне неудобно. – Никаких ползаний под асфальтом! Входим в вестибюль Университета и тихо ждем остальных! Бертилов, вы что думаете, до вас никто не пытался запечатлеть вход на территорию нечисти на видео?

Егор Бертилов, который держал мобильный телефон с включенной камерой, обернулся и почесал телефоном макушку, позванивая серьгой в ухе.

– Не знаю, Линкимовна. А че – не запишется?

– Я вам очень советую – запишите и выложите на ютуб с подписью: «Эти черно-серые помехи и есть основная деятельность моего безмозглого мозга», – выдала Лина. – Не надо было спать на физике темной материи, Бертилов. Стыд вам и позор!

– Ура-а-а!!! – эхом отозвался Отто Йорг, худющий гоблин, тут же схлопотавший от Бертилова тяжелой сумкой по шее.

О том, что вход в Темный Универ совпадал со входом в «Сухаревскую» станцию метро, Влада знала – в теории, как и то, что такие места в учебнике по физике темной материи назывались *зловоротни*. Люди обычно проходят их не замечая ничего особенного. А вот нечисть, попадая в них, переносится совсем в другое место. Правда, сейчас юная нечисть, которой предстояло войти в зловоротню впервые, чувствовала себя очень нервно. Разумеется, начались дежурные шуточки про «встретимся в аду» и про написание завещаний. Чернявый Герка Готти, один из многочисленных братьев и сестер вампирской семьи, храбро насвистывал, надвинув на нос капюшон толстовки. Крупный и рыжий тролль Антон Колыванов громким басом пел «Боже царя храни» и при этом зачем-то крестился. Марик Уткин, пятнадцатилетний упырь со всеми фобиями и невротами, которые только можно было представить, отчаянно трусил: его пухлые губы дрожали, а глаза за толстыми стеклами очков были полны отчаяния.

Остальная нечисть бузила, обращая на себя внимание людей, спускающихся в подземный переход. Пожилая женщина возмущенно оглядывалась, обещая Бертилову безрадостное будущее упыря-бездельника.

– Я не упырь, я тролле! – орал Егор, звякая серьгой в ухе. – Я емь нечистая темная сила на этой грешной земле! Вы мене еще в темноте не видели!

– В московских ночных клубах найдутся линзы похлеще, чем наши горящие в темноте глаза, этим тут никого не удивишь. К тому же люди не обращают внимания на тайный мир, к которому мы принадлежим, – поучительным тоном заметила Дрина Веснич.

Юную кикимору в красной шубке было трудно отличить от шагавших по улице обычных московских девчонок, устремленных и деловитых, прямо на ходу тыкающих в мобильные телефоны наманикюренными пальчиками.

– А правда, что если я толкну Огневу, то меня сразу убьет Гильс Муранов?! – делая страшные глаза, выкрикнул Отто Йорг, в притворном ужасе отшатываясь от Влады. – Огнева, вот эта веревка на твоей руке, она что значит? Это вроде обручального колечка вампира для человечка?

– Угомонись, гоблин, – заправив под рукав выцветшую ленточку, Влада бросила взгляд на Гильса, но вампир был слишком занят болтовней с однокурсниками, чтобы обратить внимание на насмешку.

Ну еще бы, ему-то что. Все насмешки достаются ей, а Гильсу все нипочем. Он вообще привык собирать восхищенные девчоночьи взгляды, с его-то смазливой смуглой физиономией, широкоплечей фигурой и бесконечными победами на всех соревнованиях Темного Универа. А еще у него нос горбинкой, драные джинсы и упрямая челка, которую вампир не трудился сдвигать с носа. Какое у него красивое лицо – просто невозможное для обыденной окружающей действительности! У Гильса уже была девчонка: валькирия Эля Флаева, которая была похожа на гляцевую фотографию с обложки девичьего журнала. В Носферон Эля не приехала, перевелась в другое отделение Университета. Эта мысль вселяла в сердце Влады эгоистичную надежду на что-то такое, что заставляло сердце биться сильнее.

Эту ленточку на руке, завязанную на хитрый узел, она не променяла бы на самый дорогой браслет из бриллиантов. То единственное, что приближало к ней Гильса, такого невозможно далекого для нее. Разве можно было даже представить, что она может на равных, без смущения и дрожи в коленках смотреть в эти черно-багровые нахальные глаза?!

Если бы Гильса не было, Владе жилось бы на свете гораздо легче. Не было бы той пронзительной боли, которая прокатывалась по всему телу, стоило только увидеть ЕГО. Не было бы навязчивых мыслей о том, что он о ней подумал или сказал, как посмотрел. Жизнь была бы другая, гораздо проще, – счастливее, что ли? Она приняла защиту от вампира, только вот Гильс явно не рвался ей навстречу. Ни одного ласкового слова, ни взгляда – только фирменная мурановская улыбка, которая говорила – «знай свое место, я не твой».

Даже рассказать об этой своей беде Владе было некому. Какая разница, что ее отец был вампиром, а мать происходила из древней магической семьи. Какая, к черту, разница, если ее родители были убиты проклятием, которое преследовало род Огневых? Если не к кому было прийти со своими проблемами и трагедиями, рассказать о мальчишке, из-за которого она не спит по ночам, спросить совета? Да хоть бы ее отец с матерью были гоблином и болотной кикиморой, лишь бы они *были*...

Влада оторвалась от мыслей и вздрогнула, увидев под ногами полосы снежной поземки, которая струилась по заледеневшему асфальту. Поземка немного похожа на пыль, или просто показалось...

Отругав себя за плохие мысли, Влада ободряюще улыбнулась Марику Уткину, который неуклюже топтался на ступеньках, поправляя очки и бормоча себе под нос. Эх, Марик, Марик... Когда Владе начинало казаться, что она сплошной ходячий комплекс и недоразумение, она вспоминала про Марика, и ей становилось легче.

Вот уж кто нелепый. Вечно волнуется и нервничает, напоминая всем окружающим, что упыри существа сложные в прямом смысле слова. «Сложные» означало – *сложенные из нежити*, которая в момент стресса может взять да и рассыпаться на части. Марик, к примеру, однажды на глазах у Влады чуть не рассыпался на стаю летучих мышей...

– Все, пошли, хватит топтаться на месте! – громко скомандовала Лина Кимовна. – Живо-живо!

Влада, зачем-то надвинув на голову капюшон куртки, начала спускаться вниз. Если предстоит попасть в пространство, отодвинутое от реального мира на 0,13 миллиградуса, невидимое и недосягаемое для людей, то лучше быть в капюшоне.

Егор Бертилов традиционно куролесил.

Троль есть троль. Всегда крайне веселое существо, которое стремится довести окружающих до агонии своим мороком и наваждениями, чтобы потом радостно прохихикаться в уголке и отправиться за следующей жертвой. В свои пятнадцать лет Егор выглядел на семнадцать, а одевался так, что люди от него шаркались на улице.

Егор профессионально прищурился, его физиономия с правильными, но грубоватыми чертами напряглась, а зеленые глаза вспыхнули хулиганским светом. На голове у Лины Кимовны тут же заветвились полупризрачные оленьи рога. Студенты традиционно обрадовались, пока ничего не подозревающая преподаша шагала вниз по ступенькам. Это несколько разрядило обстановку, и девчонки начали спускаться, ступая как зомби-паралитики и взвизгивая на каждом шагу. Первый проход зловоротни пугал всех, как прыжок с парашютом.

Идущий впереди с компанией вампиров Гильс Муранов быстро и равнодушно оглянулся на нее, и Влада моментально стерла с лица напряжение, будто зловоротни она проходила каждый день и по многу раз. Пусть он видит, что она не боится. Шагнула на нижнюю ступеньку, еще, еще...

ШАРАХ!!!

Ее не просто швырнули, а пнули, причем довольно болезненно. Сначала Влада решила, что так и надо, стараясь не закричать, пока тянулись несколько мучительных секунд полнейшей темноты. Это было как в остановившемся лифте, когда гаснет свет. Отвратительно и ужасно. Потом снова грубый толчок в спину и...

Под пальцами чиркнуло что-то холодное и шероховатое.

Это был двор, ее двор на Садовой улице в Петербурге, если она не сошла с ума. Она сидела у подъезда, на люке, на котором зимой грелись голуби. Сейчас из него несло болотной вонью, а лениво отлетевшие в сторону птицы сердито косились на Владу сизыми бусинами глаз, будто ожидали, когда она уберется и освободит их законно насиженное теплое место.

Влада поднялась с люка, ноги противно дрожали, в горле першило. Вместо попадания в Темный Универ ее вышвырнули домой, бесцеремонно и грубо. Первое, что могло прийти в голову, – начать звонить по мобильному своим однокурсникам, но телефон «умер» и не включался, хотя еще десять минут назад был полностью заряжен.

А если это было кем-то подстроено?

Как и у каждого нормального человека четырнадцати лет, у нее были мелкие традиционные враги по месту учебы, дома и наверняка где-то еще. Инга Тановская, например, которая открыто враждовала с Владой. Все, на что была способна троллиха Тановская, – мелкий пакостный морок, вроде запутавшейся в волосах заколки, которая начинала шевелиться и царапаться, или зеленого тумана в глазах, который легко убрать, если закрыть правый глаз ладонью. Нет, это не Тановская, она на такое не способна. Тут было что-то другое. А что, если это не каверза, а ловушка?

Влада вдруг почувствовала приступ липкой паники, которая захлестнула ее, забившись в ушах противными волнами. А если это и правда смертельная ловушка, и сейчас повторится то же самое, что было тогда, три месяца назад? Только не думать про пыль, про то, что из нее может собраться...

* * *

С трудом заставив себя успокоиться, Влада, краем внимания отметив, что под лавкой нет ее тапок с вышитыми солнышками, сняла ботинки и босиком прошла на кухню, за окнами которой оцепенел темный двор.

Щелкнула выключателем – свет загорелся, но настолько тусклый, что осветил лишь небольшой голубоватый круг на потрескавшемся потолке. Странно, неужели от холода лампочка поменяла цвет?

Открытая настежь форточка морозила так, что заледенела вода в стакане на кухонном столе, а от дыхания шел густой пар. Быстро захлопнув форточку и задернув летавшие на сквозняке занавески, Влада залезла в ящик, где у деда всегда валялась всякая хозяйственная мелочь, нашла спички и зажгла сразу все четыре конфорки. Кухня осветилась чуть-чуть больше, когда на плите деловито заплясали четыре огнисто-синих хороводика.

Под ногами что-то надоедливо брэнчало, и Влада в сердцах пнула это от себя ногой. Об батарею со звоном ударилось что-то железное, а потом покатилося по полу и остановилось посреди кухни. Странно, но это оказалась консервная банка из-под черной икры, вспоротая настолько грубо, будто ее открывал зубами голодный крокодил. Только сейчас Влада заметила, что вообще в кухне было что-то не так, как в день отъезда.

По углам пол был усыпан обертками из-под конфет «Мишка на Севере», свернутыми в виде корабликов. На подоконнике валялась целлофановая пачка из-под итальянских макарон, пустая скомканная коробка «Пирожные трюфели в шоколаде», под столом – обертки от жвачек и баночки из-под йогуртов.

Кто-то носил сюда продукты, ел, мусорил, хозяйничал в их с дедом квартире, пока она пустовала...

Влада скорее почувствовала, чем увидела, что в темноте за холодильником шевельнулась едва заметная тень.

В кухне, кроме нее, был кто-то еще. Влада вскрикнула, отпрыгнув назад и схватив из угла швабру. За холодильником чихнули, и два светящихся фиолетовых глаза, моргнув, уставились на нее.

– Выходи!!! – Влада крикнула это так громко, что у самой зазвенело в ушах. Она наставила швабру на фиолетовые глаза, будто та была грозным оружием. – Я тебя вижу, выходи, эй?!

– Да ла-адно, – проворчал чей-то недовольный голосок, и из-за холодильника на середину кухни прошлепала худенькая фигурка.

– Диня? Диня Ливченко? – Влада с трудом узнала знакомого домового, тщедушного, как двенадцатилетний подросток, который утопал в огромном, явно с чужого плеча, шелковом халате. На тощих кривых ножках красовались ее любимые тапки с вышитыми солнышками. В ухе у Дини болталась серьга, а прическа напоминала вскинувшего хребет динозавра. Вид у домового был какой-то неухоженный, дикий и беспризорный.

– Что ты делаешь у меня дома?!

– А ты что делаешь у себя дома?! – несколько развязно отозвался Диня. – Должна быть в Универе. Прогуливаем, ага?!

– Не твое дело, – рассердилась Влада, отбрасывая швабру в сторону. – Я спросила, что ты тут делаешь?! Я тебя не приглашала, убирайся вон!!! Ты что, не помнишь домовое право? Нечисть не имеет права вламываться в дом без приглашения хозяев.

– Меня это больше не колышет, – Диня пожал плечиками и выставил вперед нижнюю губу. – Мою хозяйку прежнюю того... убили, между прочим. А дядька к себе не взял. А по домовому праву, если у домового кокнули хозяйку, он получает свободу навсегда. Где хочу, там и живу. Что хочу, то и делаю. – Диня воинственно подбоченился и возмущенно повысил голосок, надуваясь с каждым словом, как индюк: – Я теперь сам по себе. Мне уже сто двенадцать лет, я уже взрослый! У меня на районе своя компашка: все домовые без домов. По ночам круто отрываемся. Рисуем на стенках! Граффити, йоу!

– Твои художества в подъезде? – нахмурилась Влада. – Вот сам и сотрешь.

– Эт мне полгорода стирать надо будет, – похвастал Диня и вытер нос рукавом шелкового халата. – А чо – прикольно. Бузим, шнырим по хатам, воруем всякие интересности. Свободная жизнь, йоу, тыц-тыц!!!

Влада поморщилась. Последний раз, когда она видела Диню Ливченко, он был вполне приличным домовенком, да и лексикон у него был попроще. Наверное, полученная внезапно свобода слишком сильно ударила домовому в голову, к тому же он хулиганил в городе не один, а с компанией таких же отщепенцев-домовых, потерявших хозяев по тем или иным причинам.

Пока Диня хвастался подвигами, Влада воткнула зарядник мобильного телефона в розетку и принялась яростно тыкать в кнопки, стараясь его оживить.

– А еще мы, тыц-тыц, по крышам, развлекуха, на крыше автобуса, йоу, гоняли! Вау, жесьть!!! – с интонацией дворового бомонда вещал Диня.

Влада, не слушая, переключила зарядку в другую розетку, предпринимая одну за другой попытки оживления своего несчастного телефона. Все впустую, экран оставался темным.

– И мы с пацанами, значит, того охранника того, бамц по кудряцам, он барах в швондарь и, тыц-тыц, восвояси... Давай того, пожрем че-нить... – Не прерывая увлекательный рассказ, Диня принялся гостеприимно накрывать на стол. Если, конечно, словом «накрывать» можно назвать то, что он локтем сгреб на пол весь мусор со стола и распахнул холодильник.

Влада, скрестив руки, наблюдала – и ждала, когда же у домового проснется совесть, и он вспомнит, что шастает по чужой квартире, которую и так перевернул вверх дном.

– Хлеб, ща... было где-то, – Диня со стуком откинул крышку деревянной хлебницы. Хлеба не было. В магазин домовой не ходил, как и не выносил мусор. Поэтому цивилизация плесени в помойном ведре успела пережить зарождение, каменный век, феодальную раздробленность, буржуазный расцвет, революцию и упадок. Зато в холодильнике наблюдался резкий контраст: на дверце закаменело разбитое яйцо, жалась к стенке покрытая жестким треснувшим настом открытая банка со сгущенкой, а рядом гордо стояли три банки с черной и красной икрой и почему-то мужской одеколон «Шанель».

– Диня, откуда это все? – громко окрикнула домового Влада. – Это же не наше с дедом. Я спрашиваю, откуда??

– Это боевые трофеи, – довольно хихикнул Диня. – Нечего ему было сюда ломиться! Чувак крупно обломался, тыц-тыц, получил в лоб стопудово...

– Диня, говори на нормальном языке, – поморщилась Влада. – Переведи.

– Толстый чувакен, который живет под полом, – Диня шмыгнул носом и вытер его рукавом роскошного халата. – Он реально вломился сюда, и еще какая-то визгливая тетеха вместе с ним. Я их выгнал. Ты бы видела, как они драпали! Я его за полу халата хватать – так тот чувачелло в одних трусах улег... хи-хи-хи...

– Так ты с Царевыми воевал? – догадалась Влада. – То-то я смотрю, халат знакомый...

Соседи снизу, из двенадцатой квартиры, Лев Михайлович Царев и его визгливая жена Лика Глебовна, уже давно мечтали занять квартиру Огневых. Царев был «большой шишкой», про всякую нечисть ничего не знал и проблемы решал с помощью кошелька или звонка «кому надо». Его крайне злило, что его хрустальная мечта – соединить две квартиры, сделав одну двухэтажную, – никак не могла осуществиться из-за упрямого старика, деда Влады. Последний набег, предпринятый соседом еще в конце лета, закончился для него плачевно. Он нарвался на тролля Егора Бертилова, который «вынес мозг» всему наряду полиции, прикинувшись Маршал-Императором Всея Двора, а самого Царева отправил в клинику неврозов на целый месяц.

Значит, когда Огневые уехали, и квартира опустела, отошедшим от тролльского морока соседом был предпринят еще один – отчаянный, но вновь неудачный – марш-бросок.

– Он потом до-олго вокруг двери ходил, но зайти побоялся. Все каким-то своим знакомым угрожал позвонить, – с удовольствием продолжал рассказывать Диня. – Полиция при-